

превратились в простых муниципальных магистратов, а затем и совсем исчезли, подтверждает их связь именно с гибнущей империей. Учреждение должности дефенсора было лишь одной из целого ряда попыток проводить в социальной политике линию известной поддержки *tenuiores*. Сколь мало значения придавали этой мере современники, видно из отсутствия в сообщениях литературных источников сколько-нибудь подробных сведений о дефенсоре, подобных хотя бы таким сведениям о патрониниях, какие сохранились у Либания и Сальвиана.

Политика, направленная на расширение социальной базы империи, выявляется и в других мероприятиях различных императоров Поздней империи: закон о так называемой *laesio enormis*³⁶, запрещение подставлять в суде вместо себя другое «более могущественное» (*potentior*) лицо в целью повлиять на судей, льготы городским плебеям в отношении налога. К этой же группе мероприятий можно отнести и очень необычное постановление, разрешающее должнику не платить долга, даже если у кредитора есть расписка должника; необходимо только вовремя сослаться на то, что хотя расписка и выдана, денег получено не было (*CJ, IV, 30 — de non numerata pecunia*). В специальной литературе это носит название: спор о безвалютности займа.

К. П. Новицкая

³⁶ См. нашу статью в ВДИ, 1961, № 4.

К ИСТОРИИ АНТИЦЕРКОВНЫХ И АНТИХРИСТИАНСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ В АРМЕНИИ В IV в. н. э.

Описывая злодеяния «предавшегося бесам» царя Папа, армянский историк IV—V в. Фавст Бузанд не жалеет слов для изображения вреда, причиненного этим царем христианской церкви: отмена десятины и других приношений, закрытие монастырей, изъятие большого числа земельных владений, учрежденных еще при царе Тиридате III¹. Из-за этих антицерковных мер, пишет далее Фавст, пришло в упадок богослужение и более не было торжественных церемоний при огромном стечении народа, какие происходили при католикосе Нерсесе, в смерти которого повинен был, по словам Фавста (V, 24), все тот же Пап.

Подобные действия царя Папа в значительной мере определялись положением, создававшимся на востоке Римской империи в 363 г. н. э. в результате победы, одержанной Шапуром II над императором Юлианом и смерти последнего от раны, полученной им в сражении при крепости Сумере (*Amm. Marc., XXV, 6, 4*). Оно характеризуется точнее всего содержанием мирного договора Шапура II с Иовианом², по которому Рим

¹ *F a u s t. B u z., V, 31*. Мы пользуемся текстом Фавста в русском переводе М. А. Геворгяна (История Армении Фавста Бузанда, Ереван, 1953), а также французским переводом Н. О. Эмина (в кн.: *V. L a n g l o i s, Collection des historiens... de l'Arménie, I, P., 1867*).

² *A m m. M a r c., XXV, 7, 9—11*: «Царь [Шапур] требовал упорно земли, которые, как он говорил, принадлежали ему и были им захвачены еще раньше у Максимиана. [Но в действительности], как показали переговоры, он требовал в качестве нашего возмещения пять провинций, расположенных за Тигром (*Transtigritanas*): Арзанену, Моксозну [обе в Армении], Забдикону [в Месопотамии], так же как Регимену [где-либо в Южной Армении] и Кордуэну, с пятнадцатью крепостями, а сверх того Низибис, Сингару и Кастра Маврорум — очень важную крепость... Отдав все незамедлительно, чего требовал [Шапур, Валент], добился с трудом, чтобы Низибис и Сингара перешли под власть персов без жителей, которые, покинув крепости, получили бы право перейти под защиту римлян».

терял пять областей, расположенных за р. Тигром, с пятнадцатью крепостями, а сверх того укрепленные пункты Низибис, Сингару и Кастра Маврорум — последний, по замечанию Аммиана Марцеллина, имел особенно важное военное значение для Рима.

Иовиан обещал Шапуру также невмешательство в армянские дела, чем поставил в весьма затруднительное положение армянского царя Аршака II (отца упомянутого выше царя Папа), придерживавшегося римской ориентации в борьбе со своими подстрекаемыми Шапуром нахарарами. Шапур действовал, кроме того, и прямой силой в нарушение заключенного с Иовианом мира, фактическое поддержание которого было весьма затруднительно для нового императора Валента ввиду нажима готов на северные границы империи. Так продолжалось до 370 г., когда Валент впервые мог протянуть Армении руку помощи, активизируя этим свою политику в отношении Ирана.

Убийство по наущению Шапура II царя Аршака (в 369 г.) привело на армянский престол его сына Папа, поддерживаемого императором Валентом. Но Пап, пытавшийся исправить ошибки своего отца, приведшие его к гибели и сделавшие страну предметом усобиц, выгодных для Шапура, не доверял римлянам и пытался использовать их слабость для установления своего независимого политического положения между Ираном и Римом. Подавляя проримские тенденции в Армении, он резко выступил против христианской церкви, руководимой в те годы славенником Константинополя — католиком Нерсесом.

Однако царь Пап не только ущемлял христианскую церковь — он содействовал возрождению древних верований и культов. При его согласии, пишет Фавст, большое число обитателей Армении вернулось к почитанию дэвов и арлезов (аралезов)³, во многих местах были восстановлены древние изображения богов, так как никто не боялся, что за это последует какое-либо наказание. Были возрождены старинные свадебные и похоронные обряды, запрещенные было церковными властями: все это стало возможно, пишет Фавст, лишь после смерти католика Нерсеса — стало возможным и расторжение церковных браков.

Вряд ли, однако, следует полагать, что христианство при жизни Нерсеса действительно одержало полную победу, хотя оно и было уже на протяжении полустолетия официальной религией древнеармянского царства: мы узнаем, например, что культу дэвов был предан и отец царя Папа — Аршак II⁴.

Фавст сообщает также, что перебежавшие на сторону персидского царя Шапура II армянские сатрапы Меружан Арцруни и Ваган Мамиконян с большой легкостью

³ В этих дэвах, иногда представлявшихся в виде змей (Faust. Byz., V, 22), следует видеть духов предков, более или менее аналогичных греческим керам, латинским ларам и манам. Быть может, сюда же относится древнеармянское представление о вишанах (драконах), в которых, по Моисею Хоренскому, вселялись дэвы и для которых совершались человеческие жертвоприношения. См. Н. О. Эмин, Исследования и статьи, М., 1896, стр. 33. Что касается арлезов (Faust. Byz., V, 36), то в качестве иллюстрации к свидетельству древнеармянского писателя Езника («Опровержение лжеучений», I, 24 сл.), из которого явствует, что древние армяне представляли себе арлезов с песьими головами (см. Эмин, ук. соч., стр. 3 сл., а также Н. Агакелян, La religion ancienne des arméniens, «Verhandlungen des II Internationalen Kongresses für Allgemeine Religionsgeschichte in Basel», B., 1905, стр. 291), могут быть указаны изображения подобных существ на серебряном кубке из триалетского кургана № 5 (Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, Тбилиси, 1941, табл. 91 сл.). Традиция культовых изображений человеческих фигур со зверьими головами прослеживается через Малую Азию (Кара-тепе — см. S. Lloyd, Early Anatolia, L., 1956, табл. 25, а и b) вплоть до о. Крита (Фест — см. A. Della Seta, La conchiglia di Phaistos e la religione micenea, «Rendiconti de la Accademia dei Lincei», XVII, 1908, fasc. 4—6, стр. 399 сл.).

⁴ Faust. Byz., IV, 12; нехристианский характер обнаруживает также и надпись Тиридата III в Гарни (см. ВДИ, 1958, № 1, стр. 146 сл.).

отказались от христианства, признали себя маздеистами и стали ровностными поборниками этой религии среди армян, которых они обращали к ней силой. Вероятно, это было им тем легче, что маздеизм в древней Армении вместе с другими элементами иранской культуры имел некоторое хождение в высших слоях общества⁵, хотя Фавст (IV, 23, 59) и прибавляет к своему сообщению, что Меружан Арцруни был первым, кто построил в своем доме капище огня (артушан). Впрочем, он говорит далее, что названные нахарары разрушили много христианских храмов и понастроили вместо них храмы огня.

Незадолго до Аршака II и Папа с их антихристианскими тенденциями в Армении имели место открытые выступления больших масс народа против христианства, о которых мы знаем по тенденциозным сообщениям Фавста (III, 3), приукрашивающего свое повествование легендарными подробностями о чудесах, происшедших будто бы при этом и приведших к спасению католикоса Вртанеса и других служителей церкви. Восстание же, по его словам, произошло по наущению царицы — жены царя Хосрова, которая была такой же язычницей, как и мать Папы, царица Парацзем. Насколько можно судить по сохранившимся у Моисея Хоренского (II, 86) свидетельствам о первых временах христианства в Иберии, там, как и в Армении, весьма долго и цепко удерживались маздеистские и местные дохристианские верования, первые в значительной степени благодаря поддержке из сасанидского Ирана, вторые же в силу популярности древних святилищ, таких, как, например, во Мцхете. И еще в V в. имели место массовые народные выступления против христианской церкви⁶.

В отношении Папы к христианству могут быть отмечены две взаимно переплетающиеся тенденции: одна — это борьба с церковью, как с раннефеодальным учреждением, сосредоточившим в своих руках значительные материальные блага и представлявшим собой политическую силу явно проримской и антииранской ориентации. Судя по тому, что Пап определенно стремился, сохраняя значительную самостоятельность, балансировать между этими обеими державами, христианская церковь и в особенности ее глава как римский ставленник должны были служить ему немалой помехой при поддержании им независимого нейтралитета. Эти-то обстоятельства, если не порождали, то усиливали и вторую тенденцию, выражавшуюся в чисто идейной борьбе с христианством, как с идеологическим новшеством, вступающим в противоречие с древними религиозными традициями.

У того же Фавста Бузанда есть весьма любопытные данные о своеобразных попытках борьбы армянских царей середины IV в. с возрастающим могуществом феодалов; по его словам, царь Аршак II оповестил своих подданных о том, что все терпящие нужду и преследования могут явиться в новый город Аршакаван, где они будут избавлены от суда и расправы. Организованный таким образом, совершенно в стиле асу-рум легендарного римского царя Ромула или некоторых реальных античных храмовых убежищ, Аршакаван стал весьма популярен и многолюден. К нему стекались, пишет Фавст (IV, 12), все воры, разбойники и убийцы; убийство это заняло всю долину округа Ког, и Аршак приказал соорудить там царский дворец. Новый город, однако, по словам Фавста, был проклят главой христианской церкви католикосом Нерсесом, из-за того, что существование его вызвало большое недовольство как светской, так и церковной знати. Далее Фавст сообщает мифические подробности гибели Аршакавана: на жителей его напала по божьему соизволению чума, и он вскоре обезлюдел...

Гораздо более реалистические подробности о судьбе Аршакавана сохранил Моисей Хоренский (III, 27). По его словам, туда собралось такое количество рабов, должников, преступников и прочих недовольных своим положением людей, что нахарары, соединившись и обратившись за поддержкой к Шапуру II, двинулись на Аршакаван

⁵ Cp. J. de Morgan, Histoire du peuple arménien, P., 1919, стр. 55, 107.

⁶ O. G. Wessendonk, Über georgisches Heidentum, «Caucasica», I, 1924, стр. 64 слл.; J. Marquart, Die Bekehrung Iberiens, «Caucasica», VII, 1931, стр. 111 слл.

и в крайнем озлоблении против своих рабов предали его огню и мечу, не пощадив ни мужчин, ни женщин.

Происшествие это со всей отчетливостью характеризует остроту борьбы, происходившей в эпоху феодализации Армении между царской властью, с одной стороны, светскими и церковными феодалами, с другой. Оно позволяет весьма определенно нащупать ту почву, на которой возникали антихристианские идеи в общественных настроениях (поскольку эти идеи питались недовольством народных масс, угнетаемых владетелями церкви)⁷ и у царя (поскольку церковь выступала в поддержку светских феодалов и сама была феодальной и антигосударственной силой).

Хорошо известно, что такого же рода борьба христианской церкви с античной религиозностью и образованностью происходила и на территории Римской империи, с особенной остротой в ее восточной части, в короткое царствование императора Юлиана, пытавшегося поддержать не только античную религиозность, литературу и философию, но и весь стремительно клонившийся к упадку уклад античной жизни, — как ее духовный мир, так и муниципальный строй. Известно, что и принявшие христианство предшественники Юлиана на римском престоле — Константин и Констанций — не только сохраняли определенную терпимость в отношении древних культов, но и поддерживали некоторые из них, — например, императорский культ и культ богини Победы, руководствуясь соображениями чисто политическими. Изданный в 354 г.⁸ под покровительством главы христианской церкви календарь Фурия Дионисия Филокала⁸ непереложно свидетельствует о том, что античная религиозность и обрядность еще очень крепко удерживалась в римском быту той эпохи. Среди празднеств отмечены такие, как Карменталии, Луперкалии, Квириналии и др. Дни недели и время суток расписаны применительно к связанным с ними древним богам: Сатурну, Марсу, Меркурию, Луне и Солнцу, оказывающим доброе или злое влияние на человеческие дела. День 25 декабря в этом календаре отмечен как «день рождения непобедимого солнечного бога»⁹, т. е. совершенно как в доконстантиновские времена или в дни возрождения древнего религиозного ритуала при Юлиане.

Однако эксцессы, сопровождавшие поднятое Юлианом движение в защиту древних храмов и культов, имевшие место на Востоке — в Египте (Александрии) и в Сирии (Гелиополе, а также в Арегусе и Бостре)¹⁰, где христианские священнослужители подвергались преследованию со стороны простонародья, свидетельствуют (тем более, что Юлиан вряд ли должен нести за них персональную ответственность) об остроте антихристианской реакции, объясняющейся, видимо, причинами социального порядка, поскольку на Востоке в большей степени, чем на Западе, христианская церковь уже и в это время представляла определенную феодальную силу, основанную на храмовой особенности, являвшейся по своему происхождению античным институтом. Совершенно несомненно, кроме того, что Юлиан в своих мероприятиях по поддержанию древних культов опирался на реальную к ним привязанность значительных слоев римского общества, не только его верхов, но и простонародья. Привязанность эта находит свое выражение, например, в метрической греческой надписи, происходящей из Озроэны (найдена в 1952 г. при раскопках римской виллы у Султан-Тепе) и недавно опубликованной как памятник, вернее всего относящийся именно ко

⁷ О храмовых владениях в Армении на пороге ее христианизации свидетельствует писатель IV в. Зеноб Глак в его «Истории Таронской провинции» (см. Э м и н, ук. соч., стр. 57 сл.), насчитывающий во владениях одного лишь храма шесть деревень со значительным населением. Ср. А. П е р и х а н я н, Храмовые объединения в Малой Азии и Армении, М., 1959, стр. 80 и 161.

⁸ CIL, I², 254 сл.; Th. M o m m s e n, Chronica minora, I, B., 1892, стр. 39 сл.; о н ж е, Über den Chronographen vom J. 354, «Gesammelte Schriften», VII, 1909, стр. 536 сл.

⁹ Н. L i e t z m a n n, Geschichte der alten Kirche, III, B., 1953, стр. 237 сл.

¹⁰ А m m. M a r c., XXII, 5, 2; 11, 3 сл.; ср. L i e t z m a n n, ук. соч., III, стр. 267.

времени правления императора Юлиана¹¹. Эта надпись, содержащая посвящение нимфам, харитам и Пафосской Афродите (Νύμφων καὶ Παφίης Χ[αρί]των δ' ἅμα λαοῦτρον ἐτίχθη...) с упоминанием богини-целительницы Панакии («Панацеи»), составлена в чисто языческом стиле и может соперничать в известном смысле с эпиграфическим посвящением из Трира, тоже исполненным в стихах, вышедших, вероятнее всего, из-под пера самого императора Юлиана совсем незадолго до того, как он был провозглашен Августом¹². Стихотворная надпись Юлиана содержит посвящение Гермесу, «величайшему утилителю земных страданий» (Ἑρμῆν... θελκτῆρα μέγιστον ἀνθρώπων), изображение которого на votivном поясе готского стиля, украшенном драгоценными камнями, Юлиан и восхваляет в своих стихах. О пристрастии Юлиана к Гермесу, одному из популярнейших соперников христианской религии, сообщает Аммиан Марцеллин¹³. Это был тот Гермес Трисмегист, чей культ из Египта распространился во II—III вв. по всей Империи и которого очень легко было объединить с богом-солнцем, всего смелее и активнее противопоставлявшимся Юлианом христианскому божеству¹⁴.

Посвящение этому самому Гермесу с еще более выраженными чертами солярного культа находим мы на обнаруженном в 1954 г. абхазским археологом М. М. Траштем и недавно опубликованном глиняном светильнике из Сухуми¹⁵: Παράσαις προσκυνοῦν κύριον Ἑρμῆν Μαρκυρίν ὑπὲρ σωτηρίας. По своей культовой формуле это посвящение имеет ближайшие аналогии в целом ряде votивов из святилища Гермеса Трисмегиста в Нубии, относящихся к I—III вв. н. э. В нубийских votивах из Пселха (OGIS, I, № 202—209) также предусматривается προσκύνημα в честь Гермеса (именуемого, как и в Сухумской надписи, κύριος), видимо, как комплекс определенных культовых действий, включающих в себя и постановку votивной стелы. Однако совершенно необычно и, насколько известно, беспрецедентно наименование бога в сухумской надписи его греческим и латинским именем одновременно (Гермес-Меркурий), причем последнее из этих имен передано в искаженной форме (Μαρκυρίν), свидетельствующей о весьма отдаленном отношении автора этого votива к римской культуре, хотя все же, вероятно, следует допустить, что votив этот исходит из такой среды (скорее всего военной), где латинские имена так или иначе фигурировали в культовой практике.

Синкретический характер Гермеса-Меркурия и его связь с солярным божеством, которому был особенно предан Юлиан, подчеркивается наличием на сухумском светильнике грубых изображений солнечных дисков (в числе трех), размещающихся по его середине, между второй и третьей строками надписи. «Герметическая» литература¹⁶ также объединяет Гермеса и Солнце и говорит о последнем как о видимой ипостаси созидającego божества (Гермеса). В качестве солнца он создает все живое и управляет человеческими душами (ὁ ἥλιος δημιουργεῖ τὰ ζῷα καὶ γεννᾷ τὰ φυτὰ καὶ τὸν πνευματικὸν πρотаγεύει).

Автор публикации, ссылаясь на стратиграфические данные, склонен датировать сухумский светильник III в. н. э.¹⁷ Однако, поскольку этот предмет ввиду его совершенной сохранности, вероятно, происходит из какого-либо разрушенного погребения,

¹¹ M. R. E. G o u g h, A Bath Inscription from Osrhoene, JHSt, LXXIV, 1954, стр. 179 сл.

¹² R. H e r z o g, Zwei griechische Gedichte des 4 Jahrh. aus St. Maximin in Trier, «Trier Zeitschrift für Geschichte und Kunst», 1937, Heft 2, стр. 121 слл.

¹³ A m m. M a r c., XVI, 5, 3: Nocte dimidiata semper exurgens . . . occulte Mercurio supplicabat.

¹⁴ См. Л. А. Е л ь н и ц к и й, Новые документы антихристианской реакции в Римской империи IV в. н. э., СА, 1962, № 4, стр. 228 слл.

¹⁵ Т. С. К а у х и ш в и л и, Греческая надпись на сухумском светильнике, «Труды Абхазского Ин-та языка, литературы и истории», XXVIII, Сухуми, 1957, стр. 227 слл.

¹⁶ См., например, S t o b., I, 293, 12.

¹⁷ К а у х и ш в и л и, ук. соч. стр. 227.

условием, наиболее существенным для датировки комплекса, следует признать именно те данные, какие могут быть извлечены из палеографических признаков имеющейся на нем надписи. А самый светильник должен быть признан одновременным этой надписи, начертанной на нем еще до обжига его в керамической печи. Надпись же, несмотря на ее грубый и неаккуратный стиль, обнаруживает признаки очень большого сходства с рукописным шрифтом второй половины IV в. н. э., в частности, с рукописными греческими библиями того времени (Cod. Vaticanus и Cod. Sinaiticus); большую близость к ним обнаруживают в свою очередь и упомянутые выше надписи из Трира и с Султап-Тепе¹⁸. Из этого следует со значительной долей вероятности, что сухумский светильник (и связанный с ним комплекс) также относится ко второй половине IV в. и вместе с упомянутыми выше надписями представляет собой культовый памятник, происходящий из той среды, которая при известной идейной и ритуальной близости к христианству находилась с ним, однако, в резко враждебных отношениях. Не представлялось бы невероятным, если бы сухумский светильник оказался собственностью одного из тех легионариев, которых константинопольское правительство держало у границ Кавказа для подкрепления своей политики в отношении Ирана и закавказских стран при императоре Валенте. II, как кажется, именно двойное имя божества, Гермес-Меркурий, наиболее убедительно свидетельствует в пользу подобного предположения¹⁹.

Со всеми этими фактами в руках мы можем теперь обратиться еще к одной греческой надписи, представляющей весьма значительный интерес для истории Армении занимающего нас периода. Речь идет о надписи, начертанной на воротах Тигранокерты (Фаркина). Весьма фрагментированный текст ее был опубликован впервые в 1908 г. К. Ф. Леманн-Гауптом²⁰. Несмотря на то, что надпись читается лишь в маловразумительных отрывках²¹, из отдельных сохранившихся ее частей явствует, во-первых, что она направлена против непослушных нахараров (названных в надписи *οἱ ἄρχοι*, а вообще в греко-латинских памятниках именуемых сатрапами); во-вторых, что армянский царь, от чьего имени составлена надпись, борясь с ними, прибегает к помощи римлян и персов одновременно (ср. отрывок В, строки 3—6) и апеллирует к «провидению богов» (*προνοία τῶν θεῶν*) и к «царской Тихе» (*Τύχη ἡμετέρη*). Культ этой *Τύχη βασιλεία* как в Империи, так и в соседних с ней восточных странах, был весьма популярен, возникновение же его относится к ахеменидским временам. Во всяком случае, надпись имеет ярко выраженные нехристианские черты.

Опубликовавший тигранокертскую надпись Леманн-Гаупт отнес ее к царствованию Папа (369—374), поскольку именно этот армянский царь проводил политику балансирования между Константинополем и Ираном, стремился к политической самостоятельности, боролся со своими вассалами как светскими, так и церковными (Faust. Byz., IV, 50). Борьба его с католикомом и церковью, по мнению Леманн-Гаупта, объясняла

¹⁸ H e r z o g, ук. соч., рис. 1; G o u g h, ук. соч., рис. 1.

¹⁹ Нельзя не отметить и еще один новый эпиграфический памятник, найденный в 1962 г. в могильнике у Цебельды близ Сухуми тем же М. М. Трапшем и представляющий собой столь же близкий по духу к христианству, но опять-таки не христианский документ. Речь идет о греческой надписи на серебряном медальоне IV в. н. э., расположенной вокруг изображения головы Горгоны: *Εἰς θεός ὁ βοηθῶν τῷ φόροντι* («единый бог, помогающий приносящему») и имеющей широкие аналогии в позднеримской синкретической среде в средиземноморских странах. См. о ней подробнее: Л. А. Е л ь н и ц к и й, О малоизученных или утраченных греческих и латинских надписях Закавказья, ВДИ, 1964, № 2, стр. 144.

²⁰ C. F. L e h m a n n - H a u p t, Eine griechische Inschrift aus der Spätzeit Tigranokertas, «Klio», VIII, 1908, стр. 497; о н ж е, Armenien einst und jetzt, I, B., 1910, стр. 410 сл.

²¹ См. о ней также К. В. Т р е в е р, Очерки истории культуры древней Армении, М.—Л., 1953, стр. 283 сл.; Х. С а р к и с я н, К истории городской общины в Армении, ВДИ, 1955, № 3, стр. 48 сл.

и те нехристианские детали, которые содержатся в надписи. Однако против такой атрибуции надписи выступил известный иранист и кавказовед И. Маркварт²² на том основании, что, хотя Пап и боролся с церковью, но он де официально не отрекался от христианства. Обращение к «богам» в этой надписи казалось Маркварту для времени Папа анахронизмом, и он считал возможным отодвинуть дату надписи по крайней мере на целое столетие назад — к III в., т. е. ко времени до официального признания христианства в Армении государственной религией²³. Мнение Маркварта в недавнее время целиком поддержал Г. Х. Саркисян²⁴, толкующий, кроме того, содержание надписи так, как если бы в ней шла речь о восстании тигранокертских горожан, к чьим муниципальным властям составитель надписи и адресуется, именуя их *οἱ ἀρχοί*.

Однако ввиду того, что эти *ἀρχοί* фигурируют в надписи неоднократно в качестве — злоумышлявших против армянского царя и народа — персидских приспешников, чьи имена хорошо известны жителям Тигранокерта (*τὸν πόλεμον οὖν ἔσχον ἐκ τῶν ἀρχ[ῶν] ὡς ἐγένετο, ὑμεῖς οἴδατε... ὅ[σα] καὶ αὐτοὶ [ὑμεῖς πάσχετε] [μ]όνους τοὺς ποιήσαντας τὰ τοιαῦτα γε[γινώσχετε]*)²⁵, а самый народ именуется составителем надписи «рабами» (*πρὸς τοὺς δοῦλους ἡμῶν ἐγράψαμεν*), подобное толкование представляется весьма маловероятным. Тем более, что и выражение *ἡ πολιτεία*, понимаемое Г. Х. Саркисяном как «городская община»²⁶, судя по употреблению его в другом контексте в этой же надписи (*πολιτῆαν εἰς Νέκραν*) и по синхронным папирологическим параллелям²⁷, следует толковать лишь в чисто географическом смысле как обозначение определенного населенного пункта.

В понимании тигранокертской надписи Г. Х. Саркисян следует также за К. В. Тревер²⁸, высказавшей в своем комментарии к этой надписи предположение о возможности истолковать ее как сообщение о репрессиях со стороны армянского царя против восставшей городской общины.

Лемани-Гаупт трижды выступал с обоснованием своего понимания текста тигранокертской надписи и предложенной им на основании этого понимания ее даты²⁹, моб-

²² J. M a r q u a r t, *Südarmenien und die Tigrisquellen*, Wien, 1936, стр. 86 слл.

²³ Хронологические соображения И. Маркварта основываются лишь на нехристианском характере тигранокертской надписи, не соответствующем будто бы религиозному состоянию Армении в IV в. Однако не говоря уже о том, что палеографические признаки (о них несколькими словами ниже) убеждают в принадлежности тигранокертской надписи IV в., выше были цитированы новооткрытые нехристианские надписи IV в., происходящие с Кавказа и из непосредственного к нему соседства, которые не могли быть приняты во внимание Марквартом.

²⁴ С а р к и с я н, ук. соч., стр. 48 сл. Он отстаивал и развивал это мнение позднее также в своей книге «Тигранакерт. Из Истории древнеармянских городских общин» (М., 1960, стр. 85 сл.) и в статье «К спору о датировке тигранакертской греческой надписи» («Ист.-филол. журн.», 1962, № 1, стр. 226. слл.). Некоторые подробности в отношении истолкования отдельных мест этой надписи и ее датировки читатель найдет в наших статьях «О датировке тигранокертской надписи» («Ист.-филол. журн.», 1961, № 2, стр. 206 слл.) и «О малоизученных или утраченных греческих и латинских надписях Закавказья» (ВДИ, 1964, № 2, стр. 145 слл.).

²⁵ Отрывок С, строки 4—6, см. у Лемани-Гаупта («Klio», VIII, стр. 497 сл.).

²⁶ ἀνέξῃ ἡ πολιτεία ὑμῶν он переводит: «восстала ваша община...».

²⁷ L. M i t t e i s und U. W i l k e n, *Grundzüge und Chrestomathie der Papyruskunde*, I, Lpr — B., 1912, стр. 78. 6.

²⁸ Т р е в е р, ук. соч. стр. 283 сл.

²⁹ В журнале «Klio» (VIII, 1908, стр. 497 слл.) при ее первичной публикации, в книге «Armenien einst und jetzt» (I, 1910, стр. 410 слл.) при ее переиздании и там же II, 1, 1926, стр. 400 слл.) в ответе на критику Маркварта. Против возможности отнесения надписи к III в. свидетельствуют как весьма многочисленные лигатуры, написание α,ε,φ, слитное написание дифтонга ου, так в особенности сходство в написании δ и λ, позволяющее отнести надпись если не к IV, то уж скорее к V, но никак не к III в. Общий грамматический строй надписи также непереложно указывает на позднюю ее дату

лизовав обширный исторический материал и получив поддержку от ираниста В. Минорского³⁰. Но он все же не располагал еще тогда приведенными здесь новыми эпиграфическими данными, не позволяющими более изолировать тигранокертскую надпись от современных ей нехристианских эпиграфических документов. Он не выяснил также сколько-нибудь полно степени христианизации Армении в IV в. и не привел данных, которые показали бы, что антицерковная и антихристианская позиция царя Папа не противоречила объективному ходу политической и идеологической борьбы в Армении в его эпоху. Он, кроме того, не сопоставил соответствующие явления истории Армении середины IV в. с явлениями антихристианской реакции, имевшими место в эпоху Юлиана в Римской империи, в особенности же в ее восточной части.

Имея ныне возможность использовать весь этот материал, мы убеждаемся в логичности и закономерности антицерковной позиции Папа, равно как в «языческой» фразеологии, свидетельствующей о приверженности к нехристианским верованиям лица, от чьего имени составлена тигранокертская надпись, без того, чтобы это лицо необходимо было бы отнести ко времени до введения в Армении христианства.

Аршак II, лишившийся поддержки империи после заключения императором Юлианом мира с Шапуром II (в 363 г.) и пытавшийся помириться со своими нахарами — персидскими сторонниками, пал жертвой недальновидности, а в конечном счете прямолинейности и настойчивости в желании противопоставить себя сатрапам и возвысить церковную власть над их политическим своеволием, опиравшимся на поддержку Шапура II. Мы помним, какие попытки, проникнутые антифеодальными тенденциями, предпринимал он для укрепления своего могущества, пытаясь посредством создания *asylum* в Аршакаване привлечь на свою сторону крестьян, переманивая их от нахараров. Сын его, Пап, также стремившийся к возвышению царской власти над властью сатрапов, видимо, учел некоторые ошибки своего отца и понял, что самостоятельная политика возможна лишь при умелом лавировании между Империей и сасанидским Ираном. В этом ему несомненно помогла активизация политики Константинополя в отношении Шапура II при Валенте³¹ (в 370 г.). Опираясь на действительную поддержку Валента, в виде войска, в составе 12 легионов под командованием полководца Теренция, вступившего на территорию Иберии и восстановившего власть изгнанного было в результате персидского вмешательства царя Савромака, Пап добился от Шапура известных уступок и возвращения некоторых отторгнутых у его отца территорий (*Ann. Marc.*, XXVII, 12, 16—17).

Весьма вероятно, что тигранокертская надпись, упоминающая, с одной стороны, о римском гарнизоне в Некре (или Некране³²), с другой, о дарственной грамоте, полученной от персидского царя (*ἀπρὸς βασιλέως τιτλάριον* в отрывке В, строки 4—6), отражает именно этот период армянской политики.

Ссылка же армянского царя в надписи на тех из числа *τῶν ἀρχόν*, вследствие измены которых его отцу запустел город и были причинены всяческие беды и народу, и государству (отрывок С, строки 3—6), вполне соответствует данным, сообщаемым Фавстом³³, об измене царю Аршаку и переходе на сторону Шапура бдешха Аддзника (*Աղապեն*)³⁴ — области, на территории которой находился Тигранокерт.

³⁰ V. Minor sky, Maiyafarikin, «Encyclopédie de l'Islam», 39, 1929, стр. 167.

³¹ Ср., например, O. Seeck, Geschichte des Untergangs der antiken Welt, IV, 1922, стр. 358 слл.; V, стр. 58 слл., а также работу, специально посвященную выяснению позиции царя Папа по отношению к Константинополю и Ирану: A. Solari, Il non intervento nel conflitto tra la Persia e Valente, «Klio», XXVI, 1933, стр. 116 слл.

³² *τῇ δυνάμει ἣν οἱ Ῥωμαῖοι εἰς Νέκραν ἔσχον* — пункте, как это показал Маркварт (*Markwart, Südarmenien...*, стр. 175 сл.), копирующий на Анну Комнину (*Alex.*, XIII, 12), находившемся в феме Лабара, на границе Катоании и Мелитены, на правобережье верхнего Евфрата.

³³ Faust. Byz., IV, 50. Подтверждение этого сообщения имеется у Аммиана Марцеллина (*Ann. Marc.*, XXVII, 12, 4).

³⁴ Eutrop., VI, 9; ср. Faust. Byz., V, 16.

Валент, официально оправдывавший свое вмешательство в армянские дела необходимостью поддержать царя Папа против происков Шапура и его армянских сторонников, в действительности искал способ устранить и самого Папа ввиду его антиримской и антихристианской позиции. Папа заманили в 371 г. в Тарс якобы для заключения нового договора, на самом же деле для того, чтобы удержать его по возможности вне Армении. Папу удалось было ускользнуть из этой западни и вернуться на родину. Но тут в угоду наступившей в Империи после падения Юлиана антиязыческой реакции против него были выдвинуты обвинения в опасном для целостности римского государства колдовстве и ведовстве. Действовавшие в Армении агенты Валента — Даниил и Барзимер — доносили императору, что Пап «прекрасно обучен хитростям [волшебницы] Кирки по части видоизменения и расслабления человеческого тела». Они добавляли, что посредством колдовства этого рода «он мог окружать себя и своих сторонников [непроницаемым] туманом и переходить невидимкой через границы», чем они и объясняли удачу его побега из Тарса, и что это «могло бы причинить много неприятностей [Риму]»³⁵. Подобные наветы должны были послужить оправданием для новой попытки ликвидации Папа, приведшей к убийству его за пиршественным столом в том же 371 г.

В свете этих исторических сопоставлений атрибуция надписи, предложенная Леманн-Гауптом, представляется вполне вероятной. Но даже если надпись и не следует обязательно связывать с именем царя Папа, как это делает Леманн-Гаупт, а ограничиться лишь констатацией принадлежности ее к греческой эпиграфике второй половины IV в. на основании одних лишь палеографических данных³⁶, равно как и констатацией полной ее уместности в качестве памятника античной религиозности в ряду эпиграфических документов, цитированных нами выше, — при всех этих условиях тигранокертская надпись не теряет своего значения весьма красноречивого документа, проливающего свет на исторические обстоятельства, породившие антицерковную и антихристианскую политику царя Папа.

Сама же эта политика, будучи поставлена в связь с политическими и идеологическими тенденциями предшествующего царствования, а также с историческими явлениями, характерными для всего тогдашнего христианизированного мира, породившими незадолго перед тем антихристианскую реакцию Юлиана, предстает перед нами как один из весьма знаменательных этапов на пути феодализации древней Армении

Л. А. Ельницкий

³⁵ A m m. M a r., XXX, 1, 16: ...apud imperatoris aures (rumorum omnium tenacissimas) incessebant [sc. Danielus et Barzimeres] falsis criminibus Papam, intentiones Circeas, in vertendis debilitandisque corporibus, miris modis cum callere fingentes: adtransgressus, tristis sollicitudines (si huic irrisioni superfuerit) excitabit.

³⁶ Ср. L e h m a n n - H a u p t, Armenien einst und jetzt, I, стр. 418; II, 1, стр. 401 сл.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

А. С. ШОФМАН, *История античной Македонии*, ч. I (Доэллинистическая Македония), Казань, 1960, 300 стр., тираж 700 экз., цена 1 р. 28 к.; ч. II (Македония и Рим), Казань, 1963, 434 стр., тираж 700 экз., цена 1 р. 82 к.

Работа А. С. Шофмана — первое в советской литературе монографическое исследование об античной Македонии. Опубликование первой части этого труда нашло уже сочувственный отклик в нашей стране и за рубежом¹. Со своей стороны, мы также хотели бы приветствовать опубликование работы, в которой впервые сделана попытка рассмотреть древнюю историю Македонии с марксистской точки зрения. Вместе с тем очевидно, что сейчас, когда вышла в свет и вторая часть труда А. С. Шофмана, наступила пора для критического обзора всего исследования в целом.

Обе части рецензируемой работы открываются обширными историографическими введениями, в которых дается критический анализ отечественной и зарубежной литературы по истории Македонии. Обзоры эти в целом весьма интересны и полезны для всякого, кто интересуется развитием научных знаний в области древней македонской истории. Особо следует подчеркнуть постоянное внимание автора к исторической литературе балканских стран, широкое использование работ болгарских и югославских ученых. К каждой части приложен обширный список использованных источников и литературы.

Первая глава в каждой книге А. С. Шофмана посвящена обзору источников (ч. I, стр. 25—76; ч. II, стр. 57—112). Здесь дается характеристика всем основным материалам, которыми мы располагаем по истории древней Македонии — археологическим, нумизматическим, эпиграфическим и литературным. Особенно интересны приводимые в первой части сведения о раскопках русских, западноевропейских и балканских уч-

ных, а также описания памятников, подтверждающих самобытность культуры племен, населявших территорию Македонии в эпоху неолита, бронзового и раннежелезного века. Недостатком этой главы является, однако, то, что автор не всегда достаточно анализирует материал, который сам же приводит. Это особенно относится к описанию раскопок в Западной Македонии (стр. 32 слл.): автор ограничивается простым перечислением, по видимому, очень интересных и ценных находок, не давая им надлежащего исторического истолкования (см. в особенности перечень находок, сделанных в в Линкестиде, стр. 36). По важнейшему вопросу — о времени и историческом значении тревенишской культуры — автор в сущности не высказывает никакого мнения и таким образом сильно обесценивает все предшествующие описания археологических находок.

Впрочем, обзору источников, даваемому в первой части, свойственны и другие, весьма существенные недостатки. По сравнению с данными археологии и нумизматики, излагаемыми достаточно подробно, надписи и литературные памятники охарактеризованы явно недостаточно. О надписях вообще сказано немногим более десяти строк. Существенные пробелы имеются также в обзоре литературных источников: так, например, из поля зрения автора совершенно выпали Гиперид, Ликург и Динарх, чьи речи служат важным дополнением к речам Эсхина и Демосфена. Обращает на себя также внимание небрежность, с какой автор характеризует отдельных античных писателей. Например, анализируя фрагменты Гекатея, автор приходит к выводу, что «под Фракией Гекатей понимал землю, которая находилась западнее иллирийских племен на юго-востоке от Геллеспонта и Пропонтиды, восточнее Понта, севернее Дуная» (стр. 60). Однако, сколь бы ни были примитивны географические представления Гекатея,

¹ См. рецензии А. М. Ременникова в «Уч. зап. Казанского гос. ун-та» (т. 122, кн. 5, 1962, стр. 227—234) и А. Фола в «Исторически преглед» (год. XVIII, 1962, кн. 5, стр. 93—99).